

Изъ дневника Я. В. Сухова-Кобылина.

19-го декабря 1899 года былъ уничтоженъ пожаромъ весь домъ А. В. Сухова-Кобылина, гдѣ была библіотека съ находившимся въ ней переводомъ Гегеля, трудами философіи, частными бумагами и всей корреспонденціей.

Кобылинка.

1855 г. Октябрь 24. Всталъ. Столярничалъ. Чувствовалъ себя отлично. Переводъ шелъ превосходно: переводилъ главу о христіанствѣ. Ѣздилъ въ купленную у Гадейна рощу. Валять дубы..... Вечеромъ, воротясь, получилъ извѣстіе о смерти моей милой и доброй „Дуду“, точно будто изъ сердца что ножемъ отняли. Последнее живое воспоминаніе о моей милой и всегда въ сердцѣ живой, тихой и неизгладимой Луизы. Святая и тихая жизнь сердца—не цѣнилъ я тебя тогда, когда ты проникала все мое существо, а теперь, когда вокругъ меня страшно пусто, знаю я твою цѣну и свято храню воспоминанія. Какъ нѣжная и легкая роса, послѣ денного жара, возникаютъ въ памяти малѣйшія событія, слова, иногда только взглядъ или движеніе и мило и нѣжно становится на душѣ. Хорошо жилъ тотъ, у кого запали эти минуты въ сердечную память.

Ноябрь 7. День моей милой Луизы. Занимался переводомъ. У меня обѣдали Афремовы, Карцевъ и Зыбины.

Москва.

Ноябрь 18. Былъ у Закревскаго, у Шумскаго. Первые вѣсти: 1-е о рѣшеніи дѣла ¹⁾ и о комедіи. Странная судьба,—въ то время какъ, съ одной стороны, піеса моя мало по малу становится въ рядъ замѣчательныхъ произведеній литературы, возбуждаетъ все-

¹⁾ По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лицъ, знавшихъ А. В. Сухова-Кобылина, оказывается, что онъ игралъ въ московскомъ обществѣ передъ процессомъ выдающуюся роль по своему обширному уму, образованію и богатству. Его острога, какъ бритва, языка боялись многіе, не исключая всемогущаго въ то время генераль-губернатора.

общее вниманіе, подлѣйшая чернь нашей стороны, безсовѣстные писакн судебного хлама собираются ордою клеймить мое имя закономъ охраняемой клеветою.

Ноябрь 21. Нынче была первая репетиція пьесы. Достоинство ея начинается изъ цѣнности удачи быть возводимо къ цѣнности литературной. Сказывали, что Садовскій въ роли Расплюева уморилъ всѣхъ со смѣху—даже суфлеръ кихъ со смѣху надъ своимъ манускриптомъ.

Вообще нынѣшній день надо замѣтить, какъ переходный пунктъ отъ просто театральной пьесы къ литературному произведенію. Ев. Θεоктистовъ высказалъ это за столомъ и пишетъ по этому статью въ газеты, которая должна имѣть этотъ смыслъ. Интересъ въ городѣ оказывается всеобщій. Что-то будетъ? какъ пройдетъ этотъ замѣчательный день. Припоминаю я себѣ, какъ любящій и во всей простотѣ своей любовью далеко зрящій глазъ моей Луизы видѣлъ во мнѣ эту будущность; когда случалось мнѣ являться передъ нею въ черномъ фракѣ и уборѣ свѣтскаго человѣка, часто говорила мнѣ: „comme vous avez l'air d'un homme de lettres“.

Декабрь 11. Воскресенье. Утромъ явился Соколовъ и доставилъ копію рѣшенія. Вѣрить ли глазамъ—такъ сбывается непостижимѣйшее и невозможнѣйшее въ жизни. Два великія событія рядомъ, одно нежданно-негаданно даетъ мнѣ вѣнокъ лавровый,—другое безсовѣстной рукою надѣваетъ на голову терновый и говоритъ: „Esse homo“. Противъ того и другого я равнодушенъ. Что я вытерпѣлъ, выжилъ или страшно много во мнѣ силы. Куда ведетъ судьба, не знаю. Странная судьба или она слѣпая, или въ ней высокій сокрытый отъ насъ разумъ. Сквозь двери сырой сибирки, сквозь Воскресенскія ворота привела она меня на сцену Московскаго театра и, протащивши по грязи, поставила вдругъ прямо и торжественно супротивъ того самого люда, который ругался мнѣ и, какъ Пилать, связавши руки назадъ, билъ по ланитамъ. Теперь далѣе ведетъ судьба—публичному позору и клейменію предастъ честное имя, и я покоренъ тебѣ, судьба—веди меня—я не робѣю, не дрогну, если и не вѣрю въ твой разумъ. Утромъ на могилѣ моей бѣдной Луизы. Все тихо тамъ—все прошло; все умолкло, и вотъ я прихожу на тихую могилу въ то время, когда потокъ событій тащитъ меня въ свой водоворотъ, крутитъ и вертитъ, и всяческимъ смятеніемъ, и шумомъ наполняетъ духъ.

Петербургъ.

1856 г. Май 12. Суббота. Утро сидѣли вмѣстѣ съ маменькой. Въ 12 часовъ доложили, что директоръ департамента Тонильскій

желаетъ ее видѣть. Его приняли—онъ объявилъ, что Министръ Юстиціи желаетъ ее видѣть и будетъ самъ по окончаніи засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ. Я бросился сказать Голицынымъ, и мы остались дожидаться Министра. Были оба въ волненіи. Условились, чтобы маменька начала говорить о дѣлѣ,—а я буду ей помогать и что тѣмъ самымъ войду въ разговоръ. Въ 5 часовъ Министръ пріѣхалъ. Вотъ его слова: „Madame vous avez adressé une lettre à Sa Majesté l'Impératrice“.—Oui, Monsieur.—„L'Impératrice me l'a envoyé avec ordre que l'affaire soit terminée. Elle sera terminée... et que je prenne en consideration les details de cette affaire, ils seront pris en consideration. Maintenant, Madame, avez vous quelque chose... à y ajouter—je suis pret à vous entendre“.—Monsieur le Comte voila mon fils.. Я раскланялся. Графъ тоже всталъ и раскланялся, и повторилъ мнѣ тѣ же слова. Я началъ нѣсколько смутившись, началъ прямо съ открытія вещей—ударилъ на этотъ пунктъ, какъ на капитальный всего процесса. Въ изложеніи придерживался не историческаго хода, а старался опровергать обвинительные противъ меня пункты. Вообще, для ясности дѣла, думаю, что это была ошибка. Коснулся писемъ—притязаній слѣдователей,—противорѣчій,—моей невозможности совершить преступленіе. Все начало разсказа онъ слушалъ, потупя голову и не говоря ни слова. Къ концу сдѣлался какъ бы расположеннѣе. Маменька вмѣшалась въ разговоръ неудачно, сказавъ нѣсколько словъ противъ Ильинскаго. Министръ остановилъ ее и всталъ. Предложивъ мнѣ изложить все это на бумагѣ, онъ вышелъ. Онъ очень высокъ ростомъ, сутуловатъ, дурно сложенъ. Лицо холодное, умное,—глаза сѣрые круглые,—нижняя губа нѣсколько выдающаяся впередъ. Голосъ медленный и беззвучный. Вообще натура холодная, нѣсколько англійская, но не безъ доброты. Движеній сердца нѣтъ, но служитель правды, какъ ее самъ пойметъ. Нѣсколько... хандрикъ. Надо было немедленно приниматься за записку. Съѣлъ за нее въ тотъ же вечеръ.

Май 16. Утромъ прочелъ всю записку и написалъ письмо къ Панину, и тутъ же выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву.

Май 26. Утромъ былъ въ часовнѣ Луизы. Тамъ все тихо и мило. Явился Соколовъ съ копіей предложенія; оказалось, что и преступники равнымъ образомъ оправдываются. Вотъ и рѣшеніе!... Весь день я имъ былъ пораженъ.

Августъ 18. Ходилъ пѣшкомъ въ Лефортовъ. Тамъ одинъ далекъ отъ шума столько, сколько далекъ отъ честолюбія; тихо, благоговѣйно, въ сокрушеніи сердца припалъ я къ холодному мрамору, на которомъ вырѣзано имя, еще глубже нарѣзанное въ моемъ

сердцѣ—и просилъ милаго друга о мирномъ, тихомъ и уединенномъ и полезномъ окончаніи жизни.

Августъ 25. Всталъ въ 7 часовъ,—въ 8-мъ отправился пѣшкомъ въ католическую церковь—нынче именины моей милой, тысячу разъ милой и доброй Луизы.

Сентябрь 16. Одинъ только разъ въ жизни случилось мнѣ вдохнуть въ себя эту живую, живящую и полевымъ ароматомъ благоухающую атмосферу. Живо и глубоко залегло въ глубинѣ души это воспоминаніе. Это было въ 1848 или 1849 году (т. е. мнѣ было или 31 или 32 года), мы были съ Луизой въ Воскресенскомъ. Былъ лѣтній день, и начался покосъ въ Шульковѣ, въ Мокромъ оврагѣ. Мы поѣхали съ нею туда въ телѣжкѣ. Я ходилъ по покосу, она пошла за грибами. Наступалъ вечеръ, парило, въ воздухѣ было мягко, тепло и пахло кошеной травой. Мѣрно и тихо шуркали косы. Я началъ искать ее и не вдалекѣ между двухъ простыхъ березовыхъ кустовъ нашель ее на коврѣ у самовара въ хлопотахъ, чтобы приготовить мнѣ чай и добыть отличныхъ сливокъ. Солнце было уже низко, прямо противъ насъ. Я сѣлъ, поцѣловалъ её за милыя хлопоты и за мысль устроить мнѣ чай. Но ея бѣлокурому лицу пробѣжало то вольное, ясное выраженіе, которое говоритъ, что на сердцѣ страхъ какъ хорошо. Я вдохнулъ въ себя и воздухъ и тишину этой картины, и подумалъ—вотъ гдѣ оно мелькаетъ и вьется, какъ вечерній туманъ, это счастье, которое иной идетъ искать въ Москву,—другой въ Петербургъ, третій,—въ Калифорніи. А оно вотъ здѣсь, подлѣ насъ вьется каждый вечеръ, когда заходитъ и восходитъ солнце, и вечерній паръ осѣдаетъ на цвѣты и зелень луговую.

1857 г. Ноябрь 19. Выѣхалъ въ Москву. 20-го пріѣхалъ въ 8 часовъ. 21-го былъ у моей милой и вѣчно мнѣ милой Луизы.

1858 г. Апрель 1. По утру Становой уѣхалъ. Федоръ воротился изъ Черни и привезъ свидѣтельство Земскаго Суда на выѣздъ и извѣстіе, что оправданные преступники пріѣхали въ Чернь. Это извѣстіе привело меня въ страшное положеніе: мнѣ казалось, что я дышу тѣмъ же самымъ воздухомъ, который былъ у нихъ въ легкихъ. Мое настроеніе оставить имѣніе и переселиться за границу. Я далъ приказъ, чтобы ихъ не впускали въ имѣніе, а Семена Иванова послалъ въ станъ, чтобы ихъ помѣстить тамъ. Время ненастное—снѣгъ—я никуда не выхожу.

Апрель 2. Рано утромъ морозъ. Выѣхалъ верхомъ въ Чернь. У самага шоссе встрѣтилъ этихъ страшныхъ людей и немедленно отправилъ ихъ въ станъ.

Апрель 4. Отправилъ Горина въ станъ, отвезти этихъ людей въ Казельскую.

Апрѣль 7. Всталъ рано. Разбиралъ свои бумаги и піэсу, что-то будетъ изъ этой?.. Съ Лавровымъ отправился въ Гражданскую Палату. Совершилъ запись—выдалъ ему 2500 руб. Потомъ поѣхалъ къ Губернскому Предводителю—потомъ въ губернскую Канцелярію за паспортомъ—назначено въ 2 часа могу получить. Оттуда къ Архіерею; разговоръ съ нимъ—его пристрастіе къ Славянофиламъ. Вернулся въ Канцелярію Губернатора и въ 3 часа получилъ свой паспортъ!!
 Вотъ она свобода! Привѣтствую тебя, чудное созданіе, любовница моя, невѣрная, но вѣчно милая любовница. Жизнь всю желаю. Зачѣмъ только на моемъ сорокъ первомъ году дала ты мнѣ первый поцѣлуй. Смотри, онъ теперь почти холоденъ. Ласки мои не жгучи; зачѣмъ не явилась ты тогда, когда жаждалъ я тебя, какъ олень на источницы водни, когда денно и ночно звалъ я тебя и цѣною мученій и цѣною трудового пота—я бы еще болѣе, еще вѣрнѣе, еще крѣпче и долговѣчнѣе любилъ тебя. Можетъ быть это и такъ. Потому теперь еще глубже, интенсивнѣе люблю я тебя. Теперь же не промѣняю я тебя ни на какія блѣстки, ни на какую внѣшность. Теперь я обручаюсь съ тобой, свобода моя, свободушка, и клянусь по гробъ быть тебѣ вѣрнымъ слугою, рабомъ, другомъ, всѣмъ—всѣмъ, чѣмъ только дышетъ еще мое сердце.

Парижъ.

1859 г. Іюль 28. Послѣ обѣда вялость, вялость. Принесли отъ Делиля купленные матеріи. Все это меня не занимаетъ, чуждо, внѣшне. О, годы, годы прошли, вы, мимо и, какъ туманъ, стоите вы сзади меня—среди васъ бродятъ образы, лица прошедшаго—тихіе лики смотрятъ на меня грустно—вѣтеръ и буря жизни оторвали ихъ отъ меня и вырвали вмѣстѣ съ ними и мое сердце. Туманный образъ Луизы съ двумя большими слезами на глазахъ, смотреть на меня не спуская голубыхъ любящихъ глазъ, и въ этихъ глазахъ двѣ слезы—на шеѣ рана—въ сердцѣ другія раны. Боже мой, какъ же это я не зналъ, что такъ ее любилъ. Прощай прошедшее, прощай юность, прощай жизнь, прощайте силы, я бреду по землѣ. Шагъ мой сталъ тихъ и тяжелъ.

